

дельные фрагменты. Теме юности, проблеме «отцов и детей», смене поколений С. посвятил поэму **«Молодые люди»** (1968).

В одном из лучших поэтических сб. С. **«День России»** (1967), удостоенном Гос. премии, трагические моменты российской истории воспринимаются через призму современности и современность оценивается как важный исторический этап, уходящий корнями в прошлое России и открытый в ее будущее: «И современники, и тени / В тиши беседуют со мной. / Острее стало ощущение / Шагов Истории самой» (Соч. Т. 2. С. 20). Поэт обращается к судьбам, жизни и смерти таких людей, в которых отразилось время, «день России», ее сложная история. Это сподвижник Петра — Меншиков, протопоп Аввакум, Лермонтов и Ахматова, командармы Гражданской войны и др. Запечатлены в стихах и главные приметы, детали, вещи, реликвии и святыни: кресло Ивана Грозного, пионерский галстук, косоворотка, этажерка, фотографические снимки и мн. др. Доверяя разуму истории, С. выступает против легковесных переоценок сложного исторического прошлого. В стих. **«Петр и Алексей»** (1959) царь жертвует сыном, «слабостным Алексеем», подавляя ради высоких гос. тягот отцовскую любовь. Поэт по-пушкински относится к «державному гению» Петра, его страдания, «императорский венец» ставя гораздо выше «тусклого венчика» мучений Алексея.

В сб. **«День России»** С. привлекал в первую очередь разум Истории, ее законы, в следующей книге — **«Декабрь»** (1970) он стремится постичь душу, сердце, «духовный трепет» событий, музыку истории. Лирический герой слышит время, постоянно разговаривает с современниками, спорит, исповедуется, размышляет. В жанре «маленького портрета» в судьбах конкретных героев — писателей, гос. деятелей, друзей юности — лирически тонко раскрывается индивидуальность и неповторимость каждой личности. Идя по трудным дорогам жизни, С. брал в руки не риторический «посох пророка», а «неказистый посошок» поэта-рабочего, привыкшего вести «разговор о главном». Уже после смерти С. вышел сб. **«Служба времени»** (1975), в него вошли стих., во многом итоговые. Приветствуя скорый приход в лит-ру «нового Овидия» из рабочей среды, поэт радуется тому, что свою «маленькую службу» нес увлекательно и честно, служил времени на «главной магистрали» жизни.

Лит.: Дементьев В. Ярослав Смеляков: Сильный, как терн. М., 1967; Макаров А. Идущим вослед. М., 1969; Рассадин Ст. Ярослав Смеляков: Творческий портрет. М., 1971; Кякшто Н. Ярослав Смеляков // История русской советской поэзии. 1941–80. Л., 1984. С. 378–391.

Н. Н. Кякшто

СМЕРТИНА (настоящая фамилия Панасян) Татьяна Ивановна [2.12.1948, с. Сорвижи Арбажского района Кировской обл.] — поэт.

Уроженка Русского Севера. Родилась в семье служащих, в которой крепко переплелись крестьянские вятские и вологодские фамилии, славные кузнецами и кружевницами.

Деревенское детство прошло на вятском лесоучастке Кишкиль (Хомут) в семье бабушки Александры Федоровны Кислицыной и в с. Сорвижи. Грамотой овладела в трехлетнем возрасте самостоятельно. Стихи начала писать и читать с деревенской сцены с 5 лет. Лит-рой в семье никто не занимался, поэтических учителей и наставников не было. Много читала, в т. ч. учебники по лесоводству в лесхозе, книги Жана Фабра по естествознанию.

В 1966 окончила Сорвижскую среднюю школу. Первые публикации стихов еще в школьные годы в районных газ. «Арбажский льновод» и «Путь Ленина». С 1969 по 1974 училась в Лит. ин-те (Москва). В 1972

Т. И. Смертина

Соч.: Собр. стихотворений. Т. 1–3. М., 1977; Стихотворения и поэмы. Л.; М., 1979. (Б-ка поэта. Б. серия).

состоялась первая поэтическая публикация в ж. «Юность», с этого времени постоянно публикуется в центральной печати («Нашем современнике», «Смене», «Москве», «Лит. России» и др.).

С 1974 по 1976 жила в Кирове, затем в Рязани (1976–77), 1977–83 — в пос. Храпуново Московской обл. (цикл **«Барачные мотивы»** вобрал жизненные впечатления этих лет). С 1983 живет в г. Дмитров Московской обл.

Первая поэтическая книга **«Ягодиночка»** вышла в Москве в 1976. Автор ведет в ней откровенный разговор с односельчанами, исповедуется перед родней, «взвешивает свое „я“ в повседневном деревенском быту» (Абрамович А.). Молодой поэт не скрывает и деревенских непоправимых печалей — осиротевших изб, заросших тропок к соседям.

В 1979 С. стала членом СП СССР.

Цикл «Барачные мотивы» (1978–79, опубликован в 1997 в книге **«Призрак розы»**) дал срез времени через страшный барачный быт («Плывут бараки кораблями спозаранок / Под флагами пеленок и портянок»), где даже кухонный провод зловеще «пять лет качается петлей». Мгновенные зарисовки общежития («душой и телом сжаты»), силуэты пропащих судеб проникнуты пронзительной душевной болью, страхами и сомнениями («стужа, подполом вода, / Больные дети и беда»), сочетаются с точно найденными эмблематическими приметами застойного времени: «полвека мы в очередь / Скорбно стоим»; «здесь на растопку тычут в печь / Газеты, где властей портреты... / Они растают с дымом прочь, / Но утром принесут / точь-в-точь».

В поэме-сказании **«Венец из ярых пчел»** (1965–75, 1984, опубликована в 1986) С., отталкиваясь от исторических изустных преданий своей северной родины («Сорвижи — вятское село, / Веками в землю проросло»), певучим вятским наречием ведет свой сказ о драматических судьбах прародицей («кто жил до нас — тот в нас живет»). Этнографическое и документальное (обрядовые настроения, знаменитая Тихвинская ярмарка) опозитизировано и вплетено в сюжет.

Стихия северной речи и природы стала основой и для созданного ею жанра поэтического «месяцеслова». Еще в отрочестве С. начала создавать, «идя путем наития», т. н. **«Татьянин календарь»**. Положив в основу идею народного месяцеслова и отталкиваясь от его образов, С. создает авторский календарь, основу которого составили собственные многолетние наблюдения. В результате

сложилось «большое полотно с десятками емких сюжетов и авторских притч, которые создают полифонически звучащую картину деревенской жизни и Жизни вообще» (Редькин П.). На всем природном мире, воссозданном поэтом, лежит неистребимое обаяние женственности: «Бежит лето девкой красною, / Шалью кроется атласною». Фенологические наблюдения психологизированы и драматизированы: «Луна, побледнев, рукавом заслонилась», «Матрена — изо льда корона, / Из инья — перстенок, / Снегом низан поясок. / Она к свету строга — / В рясы рядит стога, / Платом кроет луга. / У Матрены не того, говорят... / Схоронила его / Следенел взгляд» (**«22 ноября»**).

«Татьянин календарь» был издан в 1982 лишь половиной, под издательским названием **«Марья — зажги снега»** (авторское название С. собирается восстановить при переиздании). По ее мнению, фольклорное название ложно ориентирует читателя, так как она не рассматривает свою поэтическую книгу как собрание и обработку фольклора. Поэтому перепечатки фрагментов «Татьянина календаря» в статусе фольклора расцениваются автором как плагиат (**«Из чужой корзины»** // Лит. газ. 1990. № 13 (28 марта).

«Татьянин календарь» положил начало так называемому Трехкнижию, вторую часть которого составляет поэтическая книга **«Травник»**, полностью опубликованная в 1992.

Как и в «Татьянином календаре», в «Травнике» С. выстраивает некую циклическую систему (см. «Венки»-разделы), в которой природный и человеческий космос составляют единство: 1. Сила Корня (Травы жизни и продолжения Рода), 2. Алые цветы (Травы весны и девичества, любовные, поцелуйные, приворотные, отворотные, ворожейные...) 3. Троезелье (Магические, обрядовые, колдовские, ворожейные...) 4. Чара жизни (Травы-раздумья, целебные, всеильные и беззащитные, травы-обереги...). В основе этой системы — ритмическое разнообразие самой души и душевной жизни.

Разгадывая символические знаки, подаваемые природой разнообразием и неповторимостью своих явлений, поэт находит ключ и к собственной душе, истокам своих чувств, к своим корням: «Что рдеешь возле бережка, / Фамильное ты зелье! / <...> Бессмертье отдаю цветам, / Распаты по крестам / Кислицыных фамилии...» (**«Кисленка»**).

Поэту удается нащупать и те первоисточники, первообразы, которые иногда очень смутно, потаенно мерцают в народном названии

растения, в связанных с ним лекарственных и ворожейных силах (С. настаивает, что «Травник» — не собрание знахарских знаний, а знания души): «Живи, ключ-трава, снег ломай! / Твой цвет мимолетен, как май. / Опадчив, как легкие шали, / И полон девичьей печали» («Первоцвет»); «На глухом болоте взрос / Чертопалочник, рогоз. / Над водой початок вздел / Темно-бархатен и смел. / Слышу, слышу — к непогоде / Тот рогоз рыдает вроде...» («Зелье утопленницы»).

Нравственные уроки сказываются в «Травнике» лирические непосредственно: «Растолкав собой кусты, / Навздымались у тропки / Темно-рдяные персты / Кровохлебки. / Потаенки, повитухи... / Ни к чему тебе и глаз / Кровоцветка, бабий спас! <...> Ты — лесной царицы зелье, / Красноцвет, улырница. <...> Коля забуглен нерожденный, / Все равно аукнется» («Кровохлебка»).

В состав книги вошло оригинальное «Троезелье» — попытка реконструкции дохристианского славянского солнечного календаря «Двенадцати Пятниц» и связанных с ними зелий. Интерес к древнеславянскому календарю неслучаен, так как и в нем жизнь человека и рода символически объединялись с круговоротом природной жизни. Отталкиваясь от археологических, исторических и этнографических исследований, поэт как бы продолжает их, поверяя худож. интуицией: «я „вспомнила“ информацию тысячелетней давности» (С. приводит в письме автору статьи отзыв историка Б. А. Рыбакова: «То, что я исследую годами, она познает интуицией мгновенно и выражает через поэзию»): «Я медвежьи травы зелья / В сноп свяжу / Тесьмою рдяной», «Троезелье, зелье-мед, / Иль трава — продолжи род!», «Девоцветник! Неувяда! / Сколько мне осталось жить? / <...> Я ли, нет ли — ворожу? / Чару тыщи лет держу...»

В «Травнике» оригинально отзываются и образы древнерусской словесности: «Темный бор я пройду плавным сободем, / А реку проскочу я — плотвицею, / Прочеркнушь росамохой я по полю, / Сквозь забор пронизуясь я кунницею, / Пред тобою предстану — девицею, / На скамейку присяду вздыхая, / „Диамат“ мракобесный листая...»

Третья часть трехкнижия, цикл «Невидимое — вижу» (опубликованы пока фрагменты, в частности, в книге «Ягодное царство»), должен дать авторское видение аномальных явлений и миров.

В 1999–2002 выходят небольшие поэтические книги («венцы стихов») С. «Призрак розы», «Анемоны», «Лунная ящерка», «Жемчужная душа», «Волчьи ягоды»,

обнаруживающие новые аспекты творческих интересов поэта. В них С. создает опыты «ролевой» лирики (цикл «Танец персиянки»), ее любимые травы и цветы вплетены теперь в другие узоры — литературно-культурологические — навеянные образами Серебряного века (блоковскими, есенинскими, врубелевскими): «Здесь мальвы жар — не сплю и вся горю. / Далекое — мне высветилось очень! Вглядись: / Ты видишь между этих строк, / Как проступает легкой мальвы шелк...» Новые стихи публикуются в центральной прессе: «Лит. газ.», «Лит. России», ж. «Смена» и др.

С. — автор более 30 поэтических книг. Много лет участвует в творческой писательской жизни Москвы, в составе писательских групп выезжала в Приднестровье (1991) и в Чечню (2000, по этим впечатлениям создан поэтический цикл «Кавказский венец»). Первый лауреат Всероссийской Есенинской премии.

Соч.: Ягодиночка. М., 1976; Село Сорвижи. М., 1982; Марья — зажги снега. Месяцеслов. М., 1982; Дева Льяница. М., 1991; 1992; Травник. М., 1992; Призрак розы. М., 1999; Анемоны. М., 1999; Лунная ящерка. М., 2000; Жемчужная душа. М., 2001; Волчьи ягоды. М., 2002.

Лит.: Абрамович А. «Я посреди своей деревни...» // Лит. Россия. 1977. № 36; Дардыкина Н. «Слепа без цели сила» // Правда. 1981. № 3(276); Редькин П. Теплое поле // Москва. 1984. № 8. С. 199–200; Трофимова Е. И. Советская женщина 80-х годов: автопортрет в поэзии // Вопр. лит.-ры. 1994. № 2. С. 39–43; Коробов В. «Я многое сейчас понять не в силах...» // Бежин луг. 1994. Февр. С. 59–60; Дмитриева Н. И. «И вся ее душа — в колоколах...» // Русь васнецовская. М., 1994. С. 38–42.

К. И. Шарафадина

СМИРНОВ Виктор Петрович [10.3.1942, д. Кислевка Починковского р-на Смоленской обл.] — поэт.

Отец — учитель, потомок священников — убит оккупантами в 1941. Мать крестьянка. Дом сгорел, и чтобы купить новый, продали корову. С. были самыми нищими в деревне, их материально поддерживала школа. Старшие дети первоначально учили младшего Виктора. До школы он умел читать, писать, знал наизусть много стихов (Некрасов, Пушкин, Кольцов, Никитин и др.). С 6-го класса сам их писал. Первая публикация в смоленской областной газ. «Рабочий путь» 20 марта 1960.

После десятилетки С. был литсотрудником районной газ. (печатал статьи, очерки,